

8. Росгосстрах. Численность среднего класса. URL: http://www.rgs.ru/media/Analitika/Middle_class_2012_2013.pdf (дата обращения: 19.02.2015).
9. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.

Contemporary Russian Society and Social-philosophical Analysis of its Definition

S. I. Trounev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnikeskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: si_trounev@mail.ru

V. S. Palkova

Stolypin Volga Region Institute of Administration the Russian President Academy of National Economy and Public Administration
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: valentinakz@list.ru

This paper explores an operationalization of the concepts for contemporary Russian society. Drawing on theoretical frameworks of some concepts such as postmodernism, consumer society, post-industrial society the authors operationalize them. Our findings suggest that contemporary Russian society has a wide range of definitions. It is defined as post-historic, network or information society, postmodern society, etc. The set of different concepts represents Russian society and makes a definitions confusion. Such definitions should be applicable to modern Russian society. Using a particular concept for analysis of Russian society, it is important to compare the concept with our knowledge about society. The concept should not contradict our knowledge of about the society. Based on this presumption, some social-philosophical concepts should be operationalized.

УДК 001.3

КОНЦЕПТ РИСКА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

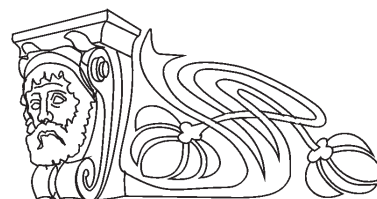
Устьянцев Владимир Борисович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ystvb@list.ru

В статье обсуждаются методологические проблемы исследования рисков в социальных науках и пути концептуализации в социальной философии, ставится и решается вопрос об общих методологических принципах исследования социальных рисков. Особое внимание уделяется анализу онтологических начал рисков, связанных с состояниями рискогенной реальности и структурой рискогенного пространства. Антропологические основания рисков представлены в статье концептом «амбивалентный человек». Выясняются особенности социально-философского и социологического дискурсов рисков. Философский горизонт представлен анализом системных рисков. Выражая меру социального, системные риски проявляются как субстанциональные, институциональные и коммуникативные, образуя динамичные структуры общества риска.

Key words: culture, postmodernism, operationalization of a concept, information society, post-industrialism, consumer society, post-industrial society, network society, philosophy of culture, consumerism.

References

1. Coomaraswamy A. K., Penty A. J. *Essays in post-industrialism: a symposium of prophecy concerning the future of society*. London; New York, 1914. 283 p.
2. Penty A. *Post-industrialism*. London, 1922. 88 p.
3. Penty A. *Old worlds for new: a study of post-industrial state*. London, 1917. 195 p.
4. Riesman D. Leisure and work in post-industrial society. *Mass leisure : in 3 vol*. Eds. E. Larrabee, R. Meyerson. Clencoe, 1958. 111 p.
5. Bell D. *The coming post-industrial society*. New York, 1974. 499 p. (Russ. ed.: Bell D. *Gryadushchee postyudustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow, 2004. 788 p.).
6. Trunev S. I., Palkova V. S. Dinamika elit i periodizatsiya rossiyskogo postmoderna (The dynamics of elites and periodization of the postmodern culture). *Observatoriya kultury* (Observatory of Culture), 2009, no. 2, pp. 92–96.
7. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 242 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 2000. 320 p.).
8. *Rosgosstrakh. Chislennost srednego klassa* (Rosgosstrakh. The number of middle-class people in Russia). Available at: http://www.rgs.ru/media/Analitika/Middle_class_2012_2013.pdf (accessed 19 February 2015).
9. Bauman Z. *The individualized society*. Cambridge, 2001. 259 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, 2005. 390 p.).

Ключевые слова: амбивалентность, рискогенная реальность, концепт, субстанциональный риск, институциональный риск, коммуникативный риск, неопределенность, общество риска.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170

Современное общество, вовлеченное в процессы глобализации, оказывается под прессом общемировых и национальных проблем развития, не поддающихся однозначным решениям. Вызовы современности, зарождающиеся в глобальной среде, в уплотненном пространстве городских агломераций, в непрерывно нарастающих миграционных потоках, захлестнувших

Западную Европу, все четче очерчивают границы многомерного общества риска. Феномены глобальных и локальных рисков, не имеющие аналогов в предшествующей истории человечества, становятся объектами самых различных междисциплинарных подходов. Среди новых проблемных полей в социальных науках особую эвристическую значимость приобретает концепт «социальный риск».

Дисциплинарные революции конца XIX – первой четверти XX в. не только способствовали распространению неклассической и постнеклассической рациональности в социально-гуманитарных науках, но и заложили основу для научного подхода к социальным рискам. Благодаря развитию предпринимательской деятельности в постиндустриальном пространстве формируется понимание риска как экономической категории. Нарастание зон экологического риска в крупных городах, сопровождающееся загрязнением городской среды, привело к возникновению междисциплинарной концепции урборисков. В социальных науках стали обсуждаться проблемы социальной калькуляции, оценки, прогнозирования рисков. Проводится разграничение понятий риск/надежность, риск/безопасность, риск/полезность. В этой связи Н. Луман справедливо утверждает, что «в качестве противоположного ему (*риск*у. – В. У.) понятия мы думаем о “безопасности”, однако тотчас же добавляем, что безопасность в строгом, свободном от риска смысле, вообще не существует» [1, с. 530]. Думается, что в таком же контексте рискогенную направленность совместной деятельности социальных субъектов содержат понятия «угроза», «вызов», «опасность», «неопределенность». Проявляясь через семейство социальных понятий, риск оказывается весьма эффективным познавательным средством для исследования современного общества.

Предметное оформление дисциплинарных концепций социальных рисков начинается с 1980-х гг. На первом этапе научного обоснования риска заметно влияние математического аппарата, в проблемном поле зарождающейся социальной рискологии первоначально оказывается экономический риск как возможная потеря прибыли или недополучение доходов. Бурное развитие менеджмента сопровождается исследованием социальных механизмов управленческих рисков, помимо рассмотрения риска как возможности потерь в деятельности компаний и как опасности утраты высокого имиджа организации, более пристальному анализу подвергают феномены «неадекватной рискованности» и «неадекватной осторожности» предпринимателей. На пересечении экологических, социальных и психо-

логических проблем риска появляются новые направления социально-экологического и социально-психологического знания. Рефлексия риска как деятельности заставила ученых-рискологов обратить внимание на субъектов рискогенной деятельности. Социальные и личностные проблемы субъектов рисков, рассматриваемые с позиций нелинейной социальности, широко используемой представителями постмодерна, значительно расширили взгляд социологов и психологов на субъективные факторы и субъектные конструкты социальных рисков. В научном пространстве появилось множество дисциплинарных определений рисков, выражающих предметные области социального знания. На фоне уже полученных результатов можно определить общие принципы дисциплинарных подходов к социальным рискам, где каждый дисциплинарный дискурс:

во-первых, выражает социальные потребности и научные интересы конкретного научного сообщества в изучении рисков с позиций разработанной дисциплинарной матрицы. Социальные интересы и потребности в получении профессиональных знаний о рисках продиктованы непрерывным увеличением состояний неопределенности в рыночной экономике, в деятельности различных организаций, институтов, в межличностном общении агентов рискогенной деятельности. Исследуя меру неопределенности (вероятности, неустойчивости) в рискогенных сферах социума, научные сообщества стремятся найти и категориально выразить инновационные средства для преодоления рискогенных ситуаций, поэтому в дисциплинарных подходах особое значение приобретает вопрос о профессиональной дифференциации рисков, т.е. распределении знаний о рисках в наиболее конструктивной для субъектов последовательности, обосновании институциональных средств, которые могут способствовать выходу из ситуации риска с положительным результатом;

во-вторых, предметом дисциплинарного исследования выступают риски, выраженные в понятийных рядах конкретных научных дисциплин. С одной стороны, знания о рисках в виде метафор и символов, содержащееся в словах «рок», «судьба», «фатальная неизбежность», выражают безропотное принятие человеком хода событий; с другой стороны, подталкивают науку на протест против «позорного» благоразумия, заставляет ученых разрабатывать научные понятия, методологические программы управления рисками, противостоящие безысходности и пассивности повседневному сознанию;

в-третьих, дисциплинарные подходы отличаются прагматическими установками и четко

заданными параметрами проектирования социальных рисков. Социальное проектирование фиксирует меру неопределенности в проектной идее, определяет возможную направленность развития рискогенной ситуации в проектом замысле, обосновывает необходимые средства разрешения рискогенной ситуации в разработанном проекте. Проектные идеи обращены к миру еще нереализованных возможностей. В этой связи основная социальная цель проектирования – создать условия для безопасности и надежности в функционировании сложных многоуровневых социальных систем, обеспечить безопасность человека и окружающей его среды в приближающемся будущем;

в-четвертых, в теориях социальных рисков усиливается потребность в междисциплинарных методах, происходит осмысление социальных, экономических и социокультурных последствий действия конкретных рисков, при учете этих факторов усиливается эффективность принимаемых управленческих решений, происходит «экспертизация риска» [2, с. 182].

Продолжающийся процесс интеграции знаний о социальных рисках обусловлен объективным фактором расширения их пространства за счет появления все новых довольно устойчивых видов в рыночной экономике, креативной политике, книжной и посткнижной культурах. Глобальными социальными интеграторами рисков становятся выходящие за границы национальных пространств отношения собственности и власти, сетевые структуры, где не только интегрируются наиболее существенные для жизнедеятельности социума рискогенные ситуации, но и воспроизводятся все новые риски, персонифицируемые в разных макросоциальных, корпоративных общностях. Одни из них представляют функциональные группы в бизнесе, в управлении, другие – институтированные группы законодательной и исполнительной власти, различные общественные организации, третьи – творческие элиты, где интегрируются интеллектуальные ресурсы, знания, духовные традиции. Правильно принятые решения по минимизации рисков могут иметь мощный политический и социокультурный резонанс в обществе, а негативные результаты выхода из рискогенных ситуаций – привести к длительной стагнации, свертыванию инновационных программ и проектов регионального, национального, глобального масштабов.

Помимо расширения рискогенного пространства и его реструктурирования происходит непрерывный прирост социальных знаний о рискогенных территориях, обновляется категориальный аппарат, анализируется поведение

региональных и глобальных игроков на национальных и глобальных площадках социальных рисков. Значительно повышается социальный резонанс стратегий управления рисками, основанных на междисциплинарных методологических программах и системных знаниях о рисках. Четко обозначившиеся тенденции непрерывного расширения рискогенных территорий и бурное развитие дисциплинарных знаний о рисках порождают потребность в осмыслении рискогенной реальности как онтологического основания рисков.

Думается, что к важнейшим свойствам рискогенной реальности можно отнести: неопределенность, ситуативность, амбивалентность. Неопределенность – это вероятность наступления событий, содержащая благоприятные или неблагоприятные последствия для социума в целом или его отдельных субъектов. Ситуативность – пограничное состояние между устойчивостью и изменчивостью социальных процессов, содержащее вариативность взаимодействия объективных и субъективных факторов, не имеющих однозначных последствий для участников событий. Амбивалентность (*ambivalenz* от лат. *ambo* – оба и *valentia* – сила) выражает двойственность существования социальных субъектов, влияние противоположных сил, объединенных в одну систему с общими основаниями. Амбивалентность как состояние двойственности человеческой природы раскрывается во взаимоисключаемых действиях, имеющих глубинные истоки в человеческой телесности, в сознании, в структуре социальной среды. Амбивалентный человек эпохи модернизации структурирует мир, наполненный рисками. Выделенные свойства рискогенной реальности раскрываются в деятельности «риск-субъектов» – субъектов формальных или анонимных институтов и социальных систем, дополняющих друг друга, создающих подвижную «вероятностную структуру» общественной жизни и интегрирующихся в общество риска.

В настоящее время синтез знаний о социальных рисках идет двумя путями: первый связан с распространением социологических методов на все познавательное пространство изучения рисков; второй – путь философской рефлексии, выраженный в формировании макротeorетической картины общества риска и проведении компаративистского анализа этой модели с позиций цивилизационного подхода и методов глобалистики.

При всей взаимодополняемости социологических и философских конструкторов социальных рисков сохраняется различие двух подходов и категориальных рядов, раскрывающих разные

предметные области знаний. Философское осмысление рисков обусловлено истолкованием многомерности социального. Одним из существенных свойств социального выступает системность. В этой связи социально-философское видение рисков направлено на выяснение их системной природы. Концепт «системный риск» разворачивается, прежде всего, в многоуровневых социальных объектах, отличающихся высоким уровнем неопределенности, может находить применение при анализе макросоциальных факторов глобализации в постиндустриальных обществах, в сетевых революциях.

Системные риски, выражая разную меру социального, могут проявляться как **субстанциональные, институциональные и коммуникативные**. В общей теории рисков эти виды приобретают функции концептов, применяются как методы исследования, конкретизируемые в различных гипотетических установках. В объективной реальности они взаимосвязаны и образуют самостоятельный дискурс общества риска.

Особое место в рискогенном обществе занимают **субстанциональные риски**. Они возникают повсеместно в процессе воспроизводства фундаментальных социальных связей и организационных структур в различных сферах общества, где социальные субъекты в условиях полной или частичной неопределенности (регулятивной, информационной) принимают решения, имеющие существенные последствия для развития системы, в которой субъекты реализуют свои цели. По своим объективным основаниям субстанциональные риски чаще всего появляются в централизованных высококонтролируемых системах или объектах, где сконцентрированы человеческие, материальные, информационные ресурсы. Они широко распространены в индустриальных обществах и связаны с действиями больших социальных групп.

В начале XXI в. под влиянием новых факторов наблюдается смещение оси субстанциональных рисков. С одной стороны, снижение роли централизации в национальных экономиках постиндустриального мира ослабило влияние рисков в поливариативных социальных системах, с другой стороны, глобализация создает новые центры концентрации знаний, капиталов, информационных ресурсов, где обозначается новая ось субстанциональных рисков. Глобальные экономические, финансовые, сетевые риски изменяют представления о субстанциональных началах общества, приобретающих нелинейную направленность и усложняющих бытийственность социума и человека.

Институциональные риски приносят новые черты в общую картину системных рисков. В теоретическом плане они являются логическим продолжением субстанциональных, их инобытием. В онтологическом контексте институциональные риски выражают предпосылки нормативного кризиса, усиление неопределенности в тех отношениях и социальных связях, которые казались незыблемыми до этого. Феномены институализации проясняют предназначение рисков. Формализуя стихийно складывающиеся виды деятельности и социальные отношения посредством установленных норм, принятых в обществе, договорных процедур, институализация выводит стихийно сформировавшийся жизненный мир индивида или сообщества за границы повседневного бытия в плоскость общественного порядка, а в более широком плане – в плоскость нормативной культуры и цивилизационного порядка. В стадии перехода от стихийного самоуправления к формализованной и управляемой нормативной системе осуществляется институализация рисков. Такие риски имеют социальную направленность, раскрывают одну из сложных форм перехода индивидуальных свойств индивида в коллективные нормы. В свою очередь, чрезмерная нормализация действий личности, жесткая регламентация статуса и поведенческих практик снижает уровень личной свободы, расширяет горизонты амбивалентности [3, с. 76].

Новые свойства субстанциональности и системности обнаруживаются в **коммуникативных рисках**. Термин «коммуникативный риск» определяет его положение среди других видов системных рисков, охватывает общие свойства риска в социальном пространстве, содержит возможности для теоретического конструирования общества риска. Этот вид следует отличать от коммуникации риска. «Термин коммуникация риска, – как утверждают И. А. Афанасьев и С. В. Тихонова, – отражает определенный набор связей, отношений и действий, возникающих в обществе в результате восприятия риска, оценок его людьми и необходимости действия с целью уменьшения риска или негативных последствий его воздействия» [4, с. 123]. Представленный теоретический горизонт дает возможность установить обмен информацией о рисках и методологии их исследований в различных социальных науках, подготовить информационную базу для междисциплинарной теории рисков. В свою очередь, термин «коммуникативный риск» выражает иную методологическую направленность, раскрывает онтологию рискогенной деятельности человека в сетевом обществе,

аккумулирует все новые знания о рисках в сетевых коммуникациях. Коммуникативные риски «имплантируются в ткань других социальных организмов, внедряются в их информационное пространство, взаимно переходят друг в друга, вызывают кумулятивные эффекты» [5, с. 228]. Следует добавить, что обсуждаемый вид рисков в полной мере раскрывается в коммуникативном пространстве. В нём ментальные структуры и ценностные установки социальных субъектов вступают в сложное взаимодействие с «информационной» институализацией, выражая: симбиоз величайших достижений науки и страх человека за свою судьбу; жизнь в пространстве постиндустриального мира, порожденного противоречивым синтезом компьютерных технологий, стихии рыночных отношений и внедрением электронных форм демократии. Приобретая многофункциональную направленность, коммуникативные риски особым образом связаны с субстанцией общества и ее основными атрибутами, активизируют деятельность самых различных коллективных партнеров по коммуникации. Направляемые сетевой коммуникацией, коммуникативные риски могут интегрироваться в ресурсные риски и как емкие интеграторы побуждают корпоративных индивидов находить инновационные подходы к управлению рискогенными зонами коммуникативного пространства в условиях нарастающей глобализации.

В общем методологическом плане – коммуникативные, шире – социальные риски во многом определяются рискогенной реальностью, где действуют центростремительные и центробежные силы. В сложном переплетении рискогенных факторов рождаются новые общественные структуры, «оседающие» в зонах постоянного и временного рисков. Философская рефлексия вновь образуемых общественных структур наиболее полно раскрывается в концепте «общество риска». На фоне уже разработанных конструктов общества риска в работах отечественных и зарубежных социологов и философов (А. П. Альгина, З. Баумана, У. Бека, Э. Гидденса, О. Н. Яницкого) возможно предложить авторский концепт, где учитывается системная природа социальных рисков. В предельно общем виде общество риска представляет собой особый тип организации современных обществ с высоким уровнем сложности, неопределенности и ситуативности общественных процессов, социальных структур, вызванных распространением новых технологий, наукоемких процессов и достижений посткнижной культуры. Устойчивыми феноменами в таких обществах становятся **системные риски**, персонифицированные в социальных группах («риск-субъектах»), отличающихся амбивалентностью, рискогенным образом жизни, альтернативностью поведенческих стандартов и форм социального мышления. Раскрывая объективное социальное содержание всего многообразия техногенных, экономических, политических информационных рисков, концепт общества риска позволяет учитывать сложную природу социального начала рискогенных процессов, где обнаруживается многообразие факторов рискогенной деятельности людей.

Философская концептуализация общества риска находится на этапе перехода от «слабого» к «сильному» методологическому синтезу. Преодолевая обыденное или узкодисциплинарное понимание общества риска, философский дискурс дает возможность выявить природу рисков с позиций амбивалентности социального, установить связь между концептами экологических, ресурсных, экономических, институциональных, интеллектуальных рисков в масштабах изменяющегося социума.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

Список литературы

1. Луман Н. Общество общества : в 2 т. М., 2011. Т. 1. 640 с.
2. Социальный риск : ментальные, ценностные, коммуникативные основания. Саратов, 2012. 288 с.
3. Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуры. М., 2003. 528 с.
4. Общество риска и человек в XXI веке : альтернативы и сценарии развития. М. ; Саратов, 2006. 402 с.
5. Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М., 2009. 435 с.

The Concept of Risk in the Problem Field of Social Sciences

V. B. Ustyantsev

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia

E-mail: ystvb@list.ru

The article discusses the methodological problems of researching risks in the social sciences and the ways of conceptualizing in social philosophy, posed and solved the question of the general methodological principles of researching social risks. Particular attention is paid to the analysis of ontological started risks associated with states of risk-taking reality and the structure of risk-taking

space. Anthropological foundation of risks presented in the article with concept «ambivalent people». Investigates features of socio-philosophical and sociological discourses risks. The philosophical horizon is represented by the analysis of systemic risk. Expressing measure of the social, systemic risks appear as the substantial, institutional and communication, forming a dynamic structure of the risk society.

Key words: ambivalence, risk-taking reality, concept, substantial risk, institutional risk, communicative risk, uncertainty, risk society.

References

1. Luman N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*: in 10 vol. Vol. 1. Front Cover. Suhrkamp, 1997. 1164 p. (Russ. ed.: Luman N. *Obshchestvo obshchestva* : v 2 t. Moscow, 2011. Vol. 1. 640 p.)
2. *Sotsialnyy risk: mentalnye, tsennostnyye, kommunikativnyye osnovaniya* (Social risk: mental, values, communication base). Saratov, 2012. 288 p.
3. Giddens A. *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge, 1984. 402 p. (Russ. ed.: *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2003. 528 p.)
4. *Obshchestvo riska I chelovek v XXI veke: alternativny I stsenarii razvitiya* (Risk Society and the man in XXI century: Alternatives and scenarios). Moscow; Saratov, 2006. 402 p.
5. *Sotsyalnoe: istoki, strukturnye profili, sovremennyye vyzovy*. Pod obshch. red. P. K. Grechko, E. M. Kurmelevoy (Social: origins, structural profiles, current challenges. Eds. P. K. Grechko, E. M. Kurmeleva). Moscow, 2009. 435 p.

УДК 141.7

УРБАНИЗМ И КОСМОПОЛИТИЗМ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ

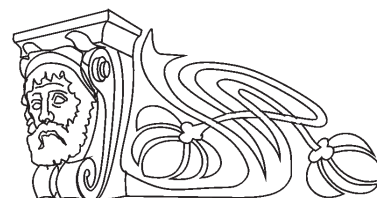
Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: filmon-2006@yandex.ru

Теоретическая применимость идеи космополитизма, её связь с самыми существенными проблемами глобализации – миграцией, гражданством, локальной национальной политикой – сделали ее актуальной темой для теоретических подходов и авторов, стремящихся в своих космополитических программах узаконить ее в качестве идеологической универсалии. В статье исследуются теоретические ориентации и эффекты трансграничного действия космополитизации на урбанизм. Рассмотренные проблемы – намеренная оппозиционность и всевластие права человека – указывают на то, что космополитическое воззрение слишком далеко от того, чтобы обеспечить общемировое единодушие. Практическая реализация, или «насаждение» космополитизации, воплощает новый риторический подход к идее космополитизма или частное мнение западного мира и является правовой диверсией, разрушающей повсеместно преимущественные права и образ жизни городского населения, историческую природу общественного и политического университета государств.

Ключевые слова: урбанизм, глобализация, космополитизация, всевластие права человека.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-170-175

Есть идеи, интерес к которым в быстротечном движении лет человеческой истории не исчезает, но становится в отдельные ее периоды более значительным. Реставрация и продвижение космополитических воззрений и практик в наше время – хороший пример этой тенденции. Унифицирующую силу городского образа жизни сегодня также трудно преувеличить, поскольку

ареал урбанизации неотвратимо расширяется. Что же связывает два столь заметных явления современности?

В своей работе хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства: первое – привлечь внимание к возросшему интересу к идее космополитизма и провести поиск объяснения смысла теоретических разработок в этом направлении; второе – поставить ряд проблем, которые социально-философской теорией обычно излагаются как трансформации городского образа жизни, и рассмотреть их в перспективе так называемой космополитизации.

Мир без границ (?)

Знаменательный ответ Диогена «Я гражданин мира» стал основанием не только для создания самого термина «космополитизм», дальнейшего его переосмысления и идеологической ассимиляции к изменяющимся социально-историческим условиям, но и посылом к дискурсу, центрированному на известный фразеологический оборот «Ubi bene, ibi patria» – смысловую квинтэссенцию космополитической установки. При современном взгляде эти выразительные афористические максимы в совокупности образуют убедительный довод для тех, кто, измеряя собственную жизнь в формате безопасности или волеизъявления, направленного на лучшие условия индивидуального существования, нис-